

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/daojww>

Язык как ключ к реальности: от философии имени к дискурсу

Кабахидзе Екатерина Львовна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва

Elibrary Author Spin: 1469-7298

kkabakhidze@gmail.com

Аннотация: Язык и сознание как две трансцендентальные категории, детерминирующие процессы познания, мышления, интроспекции, восприятия и в целом субъектно-объектные отношения, на разных этапах развития философской мысли получали свое осмысление в зависимости от доминирующей философско-мировоззренческой парадигмы в отношении реальности (реальность vs симуляция / симулякры) и экзистенциальных целей субъекта и социума, а также определялись характерными для данного исторического периода методологическими подходами (феноменологическими, герменевтическими, дискурсивными и др.). Цель – систематизировать основные концепции языка, которые были продуцированы различными историческими эпохами – от Античности до философии языка XXI в. Новизна подхода заключается в рассмотрении эволюции взглядов на язык не с позиции автореференции, а через призму социокультурных и общественно-исторических изменений реальности по отношению к субъекту. Анализируется развитие философии языка от античных времен до современного состояния, описываются причины эволюции подходов к изучению языка и сознания в попытке ответить на вопросы, как представленные парадигмы философии языка и сознания отвечали на вопрос о доступе субъекта к реальному миру, и до какой степени смена парадигм была вызвана изменяющимся культурно-историческим, общественно-политическим фоном. В связи с тем что эволюционная эпистемология выделяет в качестве одной из основных функций языка гносеологическую, дополнительное внимание получают категории мышления и понимания. Сделан вывод, что растущая сложность миропорядка сказывается на отношениях между языком и сознанием – от сингулярности (философия имени) к континуальности (дискурс).

Ключевые слова: язык, сознание, феноменология, дискурс, герменевтика, структурализм, прагматика

Цитирование: Кабахидзе Е. Л. Язык как ключ к реальности: от философии имени к дискурсу. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 1. С. 21–32. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-1-21-32>

Поступила в редакцию 13.11.2023. Принята после рецензирования 29.01.2024. Принята в печать 29.01.2023.

full article

Language as Key to Reality: From Philosophy of Name to Discourse

Ekaterina L. Kabakhidze

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Elibrary Author Spin: 1469-7298

kkabakhidze@gmail.com

Abstract: Language and consciousness are two transcendental categories that determine the processes of cognition, thinking, introspection, perception, and subject-object relations. At different stages of philosophy, they were interpreted depending on the dominant philosophical and ideological paradigm in relation to reality, the existential goals of the subject and society, and methodological approaches, e.g., phenomenological, hermeneutical, discursive, etc. This article systematizes the basic concepts of language in various historical epochs, i.e., from antiquity to the XXI century. The evolution of views on language is represented not from the standpoint of self-reference, but through the prism of socio-cultural and socio-historical changes in reality and its relation to the subject. The author traced the development of the philosophy of language and defined the reasons behind the evolution of approaches to language and consciousness. The article attempts to answer two questions: How do different paradigms of the philosophy of language and consciousness approach the matter of subject's access to the real world? To what extent were paradigm shifts caused by the changing cultural, historical, and socio-political backgrounds? Since evolutionary epistemology identifies gnoseology as one of the main functions of language, the categories of thinking and understanding receive special attention. The growing complexity of the world order affects the relationship between language and consciousness, i.e., from singularity (philosophy of name) to continuity (discourse).

Keywords: language, consciousness, phenomenology, discourse, hermeneutics, structuralism, pragmatics

Citation: Kabakhidze E. L. Language as Key to Reality: From Philosophy of Name to Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(1): 21–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-1-21-32>

Received 13 Nov 2023. Accepted after review 29 Jan 2024. Accepted for publication 29 Jan 2024.

*Разве вещь – хозяин слова? Слово – Психея. Живое слово не обозначает предметы,
а свободно выбирает, как бы для жилья,
ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело.
И вокруг вещи слово блуждает свободно,
Как душа вокруг брошенного, но не забытого тела¹*
О. Мандельштам

*Мышление и речь представляют собой одно и то же,
а именно Логос, и немое мышление – это лишь слышимая речь²*
К. Бюлер

Введение

Язык конструирует мир, интерпретирует его, обозначая объекты не только вне человека, но и субъективную данность внутри него – эмоции и мысли. Бодрствуя, мы проживаем жизнь в языке, а погружаясь в сон, раскрашиваем его символами, сформированными языком, чтобы, проснувшись вновь, через язык описать, вербализовать глубинные процессы в бессознательном. В теории психоанализа З. Фрейда язык функционировал как диагностический и терапевтический инструмент. Сила слова настолько велика, а распластанность языка по времени и пространству настолько всеобъемлюща, что будет справедливым заметить, что не человек владеет или говорит на языке, а сам язык, завладев сознанием индивида, «проговаривается» через него. Отмечая объективно-идеалистические основания языка, Л. Витгенштейн описывал способ жизнедеятельности человека как «языковое существование», М. М. Бахтин определял язык как «говорящее бытие», М. Хайдеггер метафорически сравнивал язык с «домом бытия», В. фон Гумбольдт отождествлял язык с «духом народа».

Природа, функции, назначение, взаимоотношения языка и мира, языка и субъекта волновали философов начиная с античных времен. Самые первые вопросы, которые ставили и решали в своих трудах античные, а позднее и средневековые философы – проблемы языковой номинации. Платон в диалоге «Кратил» ставит вопрос о связи вещи и имени, которое ей дано – устанавливается ли имя по произволу человеческому или же оно соответствует природе вещи и возникает естественным образом: «Вот потому, Гермоген, боюсь, что не такое уж это ничтожное дело – установление

имени, и не дело людей искусных или случайных. И Кратил прав, говоря, что имена у вещей от природы и что не всякий мастер имен, а только тот, кто обращает внимание на присущее каждой вещи по природе имя и может воплотить этот образ в буквах и слогах» [1, с. 183].

Если в античный период изучается номинативная функция языка, его метафизические основания, то в философии XX в. доминирующей признается прагматическая функция, куда относятся процессы объективации сознания в дискурсивных практиках (языковых играх). Современные исследования философии языка либо продолжают линию аналитической философии, переходящую в философию сознания и логические основания языка [2–8], либо проблематизируют узкие вопросы философии языка в работах отдельных философов (Л. В. Низьева – о критике языка в философии Э. Маха [9]; М. В. Козлова – о поэтическом языке М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, А. Бадью [10]; А. И. Патлач – о философии языка Х.-Г. Гадамера [11]; Е. К. Романенко – о философии языка В. фон Гумбольдта [12], Н. А. Осминская – о реальности в философии языка Ф. Бэкона [13] и др.) или собственно лингвосомиотические явления (А. А. Гусева – о проблеме идиоматики в философии языка [14]; В. А. Иванова – о семиотике языка науки [15] и др.).

Цель – систематизировать ключевые концепции языка в истории философии, начиная с философии имени и завершая философией дискурса. Новизна подхода заключается в рассмотрении эволюции взглядов на язык не с позиции автореференции, а через призму социокультурных и общественно-исторических

¹ Мандельштам О. Э. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987. 321 с.

² Bühler K. Theory of language: the representational function of language. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2011, 163.

изменений реальности по отношению к субъекту. Необходимо показать закономерное соответствие между эволюцией понимания роли и функции языка в жизни субъекта и развитием форм общественных отношений, выявить в каждом историческом периоде наиболее значимые концепции языка, их влияние на объяснение доступа субъекта к реальности, отношений человека и мира. Был сделан вывод, что сегодня наблюдается размывание субъекта в различных дискурсивных практиках, подчинение субъекта языку и, как это ни парадоксально звучит, расчеловечивание субъекта в современном мире, в котором правит бал дискурс власти.

Результаты

Основой для исследования послужили концепции языка, мышления и сознания в истории философии от Античности до Нового времени, философии постмодерна. Платон, постулируя разницу между объективным миром вещей и субъективным сознанием человека, с помощью имен вещей связывает оба данных мира, в которых слово выступает проводником *эйдоса*, с его помощью осуществляется объективирующий акт в процессе коммуникации. Такое отношение к языку как сакральному феномену сохранялось впоследствии в религиях или языческих верованиях, когда некоторые слова являлись табу. Такое понимание языка связано с идеалами естественного языка, а также с представлением о том, что некоторые языки демонстрируют завидную «близость» к природе вещей. Аристотель в сочинениях «О категориях» и «Об истолкованиях» продолжает размышлять о связи языка и сущего, бытия. Он вступает в полемику с Платоном, выявляя структурное тождество реальности и видов высказываемого (одноименные, соименные и отыменные высказывания), выражаемых в десяти категориях (сущность, качество, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание), уровни вещей и знаков [16, с. 24–70].

Мартин Хайдеггер близким к природе вещей языком признавал язык досократиков, критикуя Аристотеля за то, что тот заложил основы схоластического подхода к языку, не видя в нем ничего, кроме простой системы знаков, зарождавая неподлинный язык. М. Хайдеггер, разделяя языки на подлинные и неподлинные, к первым относил бытовой язык, а также язык мифов и поэзии, которые остаются наивными по отношению к культуре рациональности современной культуры. В подлинном языке есть душа, в нем отсутствует двусмысленность, а также он не искажен художественными средствами выразительности (метафорами, аллюзиями, фразеологизмами и другими стилистическими изысками). Это именно тот язык, о котором метафорично говорил Дж. Оруэлл – «язык как оконное стекло».

В философии Аристотеля прослеживается утилитарное отношение к языку. Он выступает лишь средством представления сущего или бытия, способом отображения существования в сознании мыслящего субъекта, а затем и в самой коммуникации: «К [области] мысли относится все, что должно быть достигнуто словом; части же этой задачи – доказывать и опровергать, возбуждать страсти (такие как сострадание, страх, гнев и тому подобные), а также возвеличивать и умалять» [17, с. 608]. Данные области мысли соотносятся, согласно Аристотелю, с тремя науками, напрямую связанными с языком и мышлением: диалектикой, поэтикой и логикой, в рамках которых Аристотель и развивает свою теорию языка.

После Аристотеля весь комплекс проблем, связанных с языком, можно разделить на две группы. Первая группа – отношения между людьми и языком; вторая – отношения между языком и миром. Проблематика, которая лежит в плоскости *человек и язык* включает в себя вопрос о том, что значит владеть языком, использовать язык для понимания и концептуализации мира, а также проливает свет на природу коммуникации и понимания. Примерно с середины XX в. проблемы коммуникации и понимания становятся сферой интереса лингвистической прагматики. Исследования были направлены на изучение условий возможности коммуникации и понимания, отношения, транслируемые языком. Проблемы второй категории, касающиеся отношения *язык и мир*, включают природу референции, предикации, репрезентации и истины. Данный круг вопросов изучается в первую очередь семантикой, которая к тому же является отраслью философии и лингвистики.

Средневековые схоласты усмотрели роль и значение языка не просто в наименовании, но в способе представления мира – язык, который может затуманивать действительность. Появилась экзегетика, т. е. толкование священных текстов Библии. Но, наверное, более существенный вопрос, который пытались разрешить средневековые схоласты, исходя из учений Платона и Аристотеля, – это вопрос именования вещей. Однако проблему номинации они рассматривали немного под иным углом зрения. Их интересовала не столько проблема возникновения имени, сколько связь имени с родовидовыми понятиями. Более того, в спорах между реалистами и номиналистами ставился существенный вопрос – связь языка и мышления (концептуалист П. Абеляр).

Согласно Х. Г. Гадамеру, с концептуализма П. Абеляра начинается период, когда вещи обретают свой голос [18, с. 527]. П. Абеляр пытается услышать не только речь вещи, но и речь самой речи, собирая в ней концепты (= смыслы), устанавливая связь между языком, сознанием и миром. Концепт, по мысли П. Абеляра, является универсалией, поскольку представляется

продуктом связи вещи и речи о вещи, т.к. именно речь конципирует все возможные смыслы, а в процессе разворачивания речи предъясвляет именно те из них, которые необходимы в конкретный момент для конкретной вещи в условиях коммуникации с конкретным индивидом. Таким образом, П. Абеляр постулирует прагматическую направленность высказывания. Концепт рождается «по ту сторону грамматики или языка» [19, с. 105] в пространстве души, воплощая в себе три способности души во временном континууме: память (прошрое), воображение (будущее), суждение (настоящее).

Ключевое различие в понимании концепта средневековым философом-концептуалистом П. Абеляром и современными когнитивистами состоит в том, что первый считал концепт единицей речи, общения, а в современной когнитивной науке концепт – единица сознания: «концепт мы трактуем расширительно, подводя под это обозначение разнотипные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [20, с. 46].

В античной и средневековой философской мысли доминирующими проблемами в области языка были вопросы наименования. Философия имени доминировала над логико-лингвистическими проблемами.

Если в философии Античности и Средневековья преобладало представление о метафизических основаниях языка, на нем была печать данности и пред-данности, а в качестве его ведущей функции постулирована функция номинации, то, начиная с Р. Декарта, язык обретает новое измерение – предикативное. Интерес к синтаксису, предложению проистекает из *Я мыслю философии* Р. Декарта, когда мир за границами Я механизмуется и рационализуется: «механический объективный мир для своего описания требовал языка как системы отношений» [21, с. 93]. Предикация встает на диалектические основания, когда материальный звук соединяется с идеальным, т.е. мыслью, и язык становится подвижным внутри системы, действующим по правилам и подчиненным законам логики, поэтому, продолжает Р. Декарт, он должен быть лишен двусмысленностей и красот [22, с. 308].

Естественный язык в представлениях Р. Декарта настолько механистичен, что открывает возможности для создания искусственного языка. Как это ни парадоксально звучит, но смысловое содержание языка, семантика отходят на второй план, а главным инструментом создания искусственного языка признается морфология, которая дает комбинаторику в выстраивании отношений между членами предложения. Установив единообразие между суффиксами и префиксами, можно разработать универсальный язык.

Идею создания искусственного языка подхватил Г. В. Лейбниц, усматривая связь между логикой и языком, но самые полные теоретические и практические

основания искусственного языка (эсперанто) были предложены гораздо позже Лазарем Заменгофом.

Таким образом, философия имени сменилась философией предиката, за которой последовала эпоха субъективности в языке. Ю. С. Степанов называет ее «философией Я» или прагматикой, временем эгоцентрических единиц. Э. Бенвенист пишет: «язык настолько глубоко отмечен выражением субъективности, что возникает вопрос, мог ли он, будучи устроенным иначе, вообще функционировать и называться языком... Язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда тот обозначает себя, как бы присваивать себе язык целиком» [23, с. 295].

Если философско-мировоззренческие парадигмы вплоть до XX в. рассматривали язык и сознание в контексте реального времени, когда язык служил в первую очередь средством познания реального мира и обнаружения себя в нем, то философия XXI в. – это время симуляции и симулякров, философия квази-Я, где язык необходим для формирования альтернативной действительности, «возможных миров» (по Я. Хинтикки) и управления массовым сознанием.

В философии языка XIX–XX вв. можно выделить пять векторов развития: трансцендентальный, структуралистский, феноменологический, герменевтический и дискурсивный.

Истоки трансцендентальной перспективы языка находим в философии имени Платона, в которой имя является отражением идеи (хотя напрямую об этом мыслитель не говорит). Еще больше свидетельствует метафизической сущности имени находим в схоластической философии Аквината и других средневековых мыслителей, в которой имя существует до вещи (*ante rem*), в ней (*in re*) и после нее (*post rem*).

Примечательно, что И. Кант не усматривает в языке трансцендентального начала наравне со временем, пространством и логикой, отмечая, что понятия (смыслы) рождаются в результате чувственного познания, т.е. имеют характер *a posteriori*: «посредством чувственности предметы нам даются... мыслятся же предметы рассудком, а из рассудка возникают понятия» [24, с. 65]. Таким образом, Кант связывает формы суждения с функциями мышления (логикой), а мыслительное содержание – с чувственным опытом, проистекающим из эмпирического познания.

Трансцендентальные основания языка как априорной и доопытной структуры, которая могла бы встать в один ряд с кантовскими трансцендентальными началами (логикой, временем и пространством), которая детерминирует восприятие и познание мира, стала объектом внимания философии XX в. В этом ключе размышлений отличительная черта трансцендентализма – это «два отличных друг от друга языка... объектный язык или перспектива от третьего лица, с помощью которых мы описываем вещи внешнего

мира, предполагающие открытую и всеобщую регистрируемость, и язык, реализуемый в перспективе от первого лица, предполагающий привилегированный приватный доступ или приватную идентификацию» [25, с. 149–150]. Если Платон, согласно Аристотелю, удваивал мир, разделяя его на мир идей и вещей, то трансцендентализм удваивает языковую реальность, выделяя в ней объектный и субъектный языки. В данном подходе просматривается кантовское разделение предметов на *phaenomena* и *noumena*. В связи с тем что мышление и познание ограничены категориями (количество, качество, отношение, модальность), то индивид не может получить доступ к ноуменам, т.е. предметам как они есть, а лишь может мыслить их в созерцании [24, с. 702]. Переводя эту аналогию в плоскость языка, трансцендентальные предметы «говорят» на своем объектном языке, понять который человек не в состоянии. Конечно же, отмечая объектный язык, мы не имеем в виду магический язык неодушевленного мира со своей семантикой или синтаксисом, а имеем в виду знаково-символьный язык окружающего мира. Сознание, пытаясь ухватить смыслы языка трансцендентальных предметов в процессе созерцания, трансформировало их в когницию. Субъективированный знаково-символьный язык трансцендентальных предметов снова отделился от предмета «как он есть». Таким образом, общий язык (семиотика), который мог дать доступ к миру ноуменов, стал лишь еще одним каналом для образования феноменов.

Трансцендентальная философия стала первым шагом на пути к тому, чтобы разглядеть в языке заданную структуру, которая может открыть человеку доступ к миру ноуменов, реальному объектному миру. Изменился взгляд и на функции языка, т.к. стали выделять не только функции номинации, но и предикации, т.е. установление отношений между референтами, обозначаемыми в языке. Именно трансцендентальный подход эксплицировал семиотический компонент языка, в котором обнаружен объектный мир в форме знаков и символов, а также прагматический аспект, в котором были актуализированы субъектно-объектные отношения в языке.

Трансцендентальная традиция, удваивая языковую реальность, смотрит отрицательно на роль языка в возможности допустить человека к миру объектов, иными словами, реальности.

Трансцендентальные основания языка были позднее обоснованы структуралистами, которые задали еще один вектор в развитии лингвистической методологии – функционализм на основании тезиса о том, что элементы структуры, вступая во взаимоотношения, реализуют ту или иную функцию. Карл Бюлер в 1930-е гг. представил трехкомпонентную функциональную модель языка, взяв за основу философию

имени Платона: «Я думаю, что высказанная Платоном в диалоге "Кратил" мысль о том, что язык есть *organum*, служащий для того, чтобы один человек мог сообщить другому нечто о вещи (*Ding*), удачно схватывает суть дела» [26, с. 27]. Не соглашаясь с мыслью Ф. де Соссюра о несводимости друг к другу *langue* (язык) и *parole* (речь), отрицавшего также и возможность системы в диахронических исследованиях, К. Бюлер проектирует модель органа, константой которой являются следующие базисные функции: экспрессивная, апеллятивная и репрезентативная, что соответствует трем составляющим речевого акта: говорящему, слушающему и предмету речи соответственно. Впоследствии Р. О. Jakobson разовьет функциональную модель, предложенную К. Бюлером, дополнив ее тремя новыми функциями – поэтической, фатической и метаязыковой.

С нашей точки зрения, радикальнее всего структуралистская мировоззренческая парадигма представлена в работах Клода Леви-Стросса, который полагал, что любые предметы, явления объектного мира являются проявлением бессознательных систем, определяющих их форму и значение, что существует «грамматика» по подобию грамматики языка, которая детерминирует сущность и отношения объектов реального мира. К. Леви-Стросс открыто признавал себя структуралистом и последователем кантианской философской методологии, характеризуя свой подход как «кантианский без трансцендентального субъекта». В философско-методологической программе французского антрополога прослеживаются базисные доктрины всего структурализма с его опорой на язык в противоположность говорящему субъекту, дихотомией системы (синхронии) и истории (диахронии), превалированием бессознательного над сознанием. На лексико-семантическом уровне К. Леви-Стросс небезосновательно продемонстрировал системную пред-заданность фактом концептуализации мира в процессе познания: «После того, как знак создается, его назначение уточняется, с одной стороны, в зависимости от особенностей строения мозга, а с другой – в соответствии с его отношением ко всему множеству знаков, т.е. ко всему миру языка в целом, стремящемуся, естественно, к системе» [27, с. 88].

Структурализм подвергался критике со стороны ученых, которые придерживались методологии лингвистических исследований, разработанной в XIX в, за мнимый объективизм, отказ от диахронических исследований, отрицание социальных и этнопсихологических факторов в языке, а также диалогической природы языка. В связи с тем что язык относится к бессознательному, которое регулирует чувства и мысли индивида, проникнуть в него мы не можем, а лишь реализуем структуры языка. По этой причине возникает следующая проблема: невозможность проникновения

в глубинные структуры языка закрывает перед нами дверь и во внешний мир, который, с одной стороны, структурирован сознанием по аналогии с грамматическими правилами языка, с другой – доступа к ним нет.

Язык тем не менее может служить прекрасным проводником к сознанию: «Каким образом что-либо становится сознательным? – целесообразнее было бы облечь в такую форму: каким образом что-нибудь становится предсознательным? Тогда ответ был бы таким: посредством соединения с соответствующими словесными представлениями слов» [28, с. 180]. Методы психоанализа Зигмунда Фрейда во многом построены и подчинены языку, вербализации мыслей анализантом: «Психоаналист изучает пациента в тех разговорах, которые тот ведет, наблюдает больного в его речевом, "мифотворческом" поведении, и сквозь эту речь больного для него медленно проступает другая речь, которую он должен будет объяснить, – речь, связанная с комплексом, таящимся в подсознании» [23, с. 116]. З. Фрейд разрабатывает метод, областью приложения и излюбленным орудием которого, по выражению Э. Бенвениста, становится язык. Ж. Лакан обосновал значимость языка в психоанализе З. Фрейда тем, что речь осмысливает функции индивида. При этом язык получает и психотерапевтическую функцию, т. е. анализант, сообщая психотерапевту о тех или иных фактах биографии, рассказывая о себе, вводит другого в себя, тем самым постигая себя, выстраивая связи между Я-прошлым и Я-настоящим, историзируя себя. Речь эксплицирует субъективность, которая является неотъемлемой частью диалога, через язык анализант высвобождает свою личность, субъективируется, отделяется от массы. С другой стороны, язык является структурой, которая носит общественный характер, системой значений (в понимании Л. С. Выготского [29, с. 50–78]), разделяемой всеми. В условиях антиномии между речью-рассказом и языком психоаналитик устанавливает конфликты, сбой в психике (страхи, вытесненные желания и прочее), манифестируемые в речи (рассказах о сновидениях, оговорках, методах свободных ассоциаций).

В феноменологической традиции удается преодолеть преграду между миром и языком, разрешить проблему познаваемости мира с помощью языка на основе нового метода анализа сознания, который предложил основоположник феноменологии Э. Гуссерль. Он назвал феноменологию «истинной и подлинной универсальной онтологией» [30, с. 279], метафизической системой, во главе которой – чистое трансцендентальное сознание.

В основу феноменологии заложены две фундаментальные идеи: любой человек наделен сознанием, и последнее же является основным инструментом познания окружающей действительности. К основным характеристикам сознания, которые связаны с языком,

можно отнести: наполненность феноменами, воплощенными в определенных суждениях, языковых выражениях, которые преграждают путь к чистому сознанию; смыслодающая функция сознания, благодаря которой всякое языковое выражение обретает смысл, при этом предметы сознания нельзя путать с вещами вне сознания (победитель при Иене и побежденный при Ватерлоо – Наполеон один, а предмета в сознании два: победитель vs побежденный); конституирующие структуры познания, которые категоризируют мир – *мир, природа, бытие, сущее*; способность сознания мыслить Я, т. е. чистую субъективность и другое Я, т. е. интерсубъективность [31, с. 267].

Наиболее продуктивной с точки зрения исследования триединой связи *бытие – сознание – язык* представляется герменевтическая феноменология, в фокусе внимания которой находятся интерпретативные структуры сознания и опыта, а также акт интерпретации переживаний сознания субъекта. Основой синтеза феноменологии и герменевтики выступает проблема понимания, которая представляет собой постижение смысла объекта: «Идея предмета лежит как признак в его содержании, именно в его сущности и поэтому может быть названа также энтелехией предмета. Раскрытие ее и есть формальное определение понимания» [32, с. 211]. В процессе понимания происходит синтез двух идеальных начал – идеи предмета и интенциональной структуры сознания, результат которого дается в двух проекциях: идеальной (феномен предмета в сознании) и материальной (слово).

Понимание представляется сложным когнитивным и одновременно морально-нравственным, социально детерминированным явлением, способом интерсубъектного мышления, сплавом индивидуально-личностного познания в контексте коллективных культурных, мировоззренческих, национально-специфических норм и установок: «форма освоения действительности, заключающаяся в раскрытии и воспроизведении смыслового содержания чего-либо» [33, с. 207]. Внутренний мир человека вырастает из результатов понимания действительности, себя самого и окружающих людей через смысловое прочтение мира, в результате которого человек формирует осмысленное поведение и ценностные ориентации. В связи с тем что источником понимания служит знание в его системной организации и субъективном преломлении, единицей понимания выступает текст в силу того, что последний обладает смысловой целостностью и системно-структурной связанностью, которые выступают базовыми предпосылками процесса понимания.

Понимание текста – это когнитивный процесс, сопровождаемый психоэмоциональным переживанием от смыслового восприятия прочитанного, адаптирующий концептуальное мышление к совокупности знаний, полученных из текста, актуализирующий

установки и фоновые знания, проясняя или внося изменения в них, финальной стадией данного процесса является осмысление прочитанного, создание новых системных связей между существующими категориями знания субъекта. Мир как текст является метаединицей познающего и понимающего сознания.

Феноменологическая традиция философии определяет субъекта в качестве альфы и омеги познания. Сознание индивида представлено структурами, которые, с одной стороны, направлены на объектный мир (интенция), с другой – имеют механизмы интерпретации сознания (идей) объектов. Мир перестает быть совокупностью объектов, доступ к которым закрыт для познающего сознания. Напротив, сознание создает микромир, оставляя отпечаток мира в виде феноменов на ткани сознания, рисуя знаково-семиотический аналог мира.

В философии языка XX в. под знаком постмодернизма мир принимает вид текста «мир как текст», потому как разворачивается в трехмерном пространстве языка, где есть имя (семантика), предикат (синтаксис) и прагматика (эго, я). Все это выстраивает многомерную конструкцию мира, понять которую возможно лишь в процессе прочтения с учетом комплекса исторических, социальных, культурных, психологических и иных факторов. Однако текст представляет собой застывшее и завершённое образование, в то время как мировой свертхтекст пишется и переписывается ежесекундно: «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [34, с. 10]. Итак, на смену феноменологической герменевтике, которая редуцировала динамичную диалоговую природу текста, пришла иная парадигма философии языка – дискурсивная. Согласно Ю. С. Степанову, дискурс представляет собой новую черту в облике языка, каким последний предстал перед нашим взором в XX в. [35, с. 35–73]. Дискурсивные исследования позволяют описать язык в многомерном пространстве с подвижной сеткой координат, включающей параметр времени [36, с. 40].

Не углубляясь в классические определения дискурса, представленные во многих работах [35; 37–44], лишь отметим структурные компоненты дискурса, исходя из понимания того, что дискурс является новой реальностью языка: речь, жизнь, знание, сознание, диалог (целеполагание и воздействие на адресата), уверенность и убедительность (в значении Ю. Хабермаса), возможный мир (Е. С. Кубрякова), текст.

Данные компоненты, входя в содержание понятия *дискурс*, образуют сетку связей, которая детерминирует коммуникативный акт, располагая его

в пространственно-временной системе координат, задавая перспективные значения и уходя в ретро-перспективные актуализации (рис. 1).

Рис. 1. Многомерная модель дискурса
Fig. 1. Multidimensional discourse model

Рассмотрим каждый из данных компонентов в отдельности с целью обоснования значимости каждого структурного элемента и описания отношений с другими значениями.

М. Фуко в работе «Археология знания», вынося на первый план понятия *дискурсивная практика* и *дискурсивная формация*, заменяет традиционную эпистемологическую модель (сознание – познание – наука) новой (дискурсивная практика – знание – наука), полагая, что за каждым текстом стоят определенные общественные, культурно-исторические события. Человек, преступность, психическая болезнь, сексуальность являются прежде всего дискурсивными практиками, содержание которых исторически изменчиво. В более объемном дискурсивном поле истории человек строит свои собственные дискурсивные практики и познание на основании личного жизненного опыта. Дискурс выступает языковым коррелятом между типами, стратегиями и функциями дискурсивных фактов / высказываний о действительности и духом времени, архивом личностных знаний и смыслов субъекта. Дискурс, разворачиваясь в реальном времени, является порождением речи *online* [37]. С другой стороны, дискурс связан и с функционированием языка как средством хранения и упорядочивания информации в режиме *offline* [38, с. 25].

Таким образом, дискурс представляется ступком культурно-исторических, общественных, личностных знаний / смыслов, опосредованных языком и репрезентуемых в речи. Рассматривая дискурс с когнитивных позиций, можно заметить, что он имеет дело не только с хранением, передачей, но и продуцированием нового знания. Местом хранения знания выступает, согласно М. Фуко, не сознание, а бессознательное.

По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и иными факторами... Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [39, с. 136–137]. Концепт *жизнь* является столь же немаловажным для модели дискурса, как и знание, сознание / бессознательное, т.к. в дискурсе схвачен определенный фрагмент жизни на временной оси *настоящее – прошлое и настоящее – будущее*. В дискурсе прошлое и будущее сливаются в настоящем, потому что прошлый опыт интендирован в дискурсивном высказывании, а будущее в нем проектируется. Таким образом, идеальные сущности прошлого и будущего материализуются в дискурсе. Дискурс под этим углом зрения можно приравнять к аристотелевской форме, а прошлое и будущее – к платоновской идее.

В связи с тем что в дискурсе выделяется процессуальность и результат, то возникает вопрос дихотомии речи и текста в дискурсе, поскольку, с одной стороны, дискурс рассматривается как динамический процесс коммуникации и речепроизводства в режиме online, встроенный в социальный контекст, а с другой – как результат такой деятельности или текст. В итоге дискурс может иметь форму речевого общения (беседа, интервью, выступление, разговор, дискуссия и др.), а также их результаты в виде письменных текстов.

Еще один концепт, который тесно связан с дискурсом, – диалог. Традиционно считается, что для дискурса необходимы два участника – говорящий (автор) и слушающий (адресат), поскольку дискурс разворачивается одновременно в двух плоскостях, таких как порождение дискурса и его интерпретации. Это не означает, что дискурс не может быть реализован в форме монолога, т.к. последний предполагает обращенность к мыслимому адресату, а значит имеет диалоговую природу.

Рассмотрим еще два компонента дискурса – уверенность и убедительность. Ю. Хабермас в духе феноменологии полагал, что мир и субъективность неразрывно связаны друг с другом, а глобальное информационное пространство разворачивается в жизненном мире субъекта [45]. Жизненный мир мы осознаем только перформативно, он формируется благодаря деятельностной природе сознания: «Развитие у человека сознания связано с общественно-организованной деятельностью людей, с трудом и совершается на его основе. Труд требует осознания результатов труда как его цели, и в процессе труда сознание и формируется» [46, с. 244]. Второе необходимое условие перформативности – это деятельностная природа языка, реализуемая в речи и усвоенная в форме знаков. Жизненный мир, осознаваемый только перформативно, составленный из жизненных переживаний и практик, трансформируемых в жизненный опыт, формируют у человека уверенность в истинности своих

знаний, которая выступает фоном коммуникативных действий: «Уверенность – это особая форма знания, которое в отличие от других типов знания, нельзя разделить на ложное и истинное. В языковом выражении уверенности, направленной на убеждение другого, могут присутствовать понятия, которые по форме выглядят как достоверные знания, не являясь при этом таковыми» [45, с. 17]. Вступая в интерперсональные отношения, речевые акты переводятся в пространство уверенности, а по отношению к адресату с позиций прагматики – убедительности.

Жизненный мир выступает фоном речевых актов, действий, мыслей субъекта. Речевые акты жизненного мира мотивированы уверенностью субъекта, имплицитно телеологической функцией, результатом дискурсивных актов становится убедительность: «В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [47, с. 21]. Так, согласно П. Серию, даже такое литературное высказывание, как *Маркиза вышла в 5 часов* не менее идеологично, чем *Франция французам*. Дискурс, обладая явной адресностью, имплицитно с функцией целеполагания, дает возможность связать дискурсивную деятельность с воздействием в широком смысле, которая достигает манипулятивного потенциала в отдельных типах дискурса (политический, рекламный, религиозный).

Таким образом, дискурс является речевым отрезком жизнедеятельности индивида, который вписан в культурно-исторические, социальные, индивидуально-личностные и прагматические условия порождения, детерминирован ментальным миром адресанта и порождает возможные миры в сознаниях субъектов, вступивших в диалог или дискурсивное пространство: «Дискурс – это первоначально особое использование языка... для выражения особой ментальности; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [35, с. 37–38].

Если бы языку можно было приписать человеческие качества, то, пожалуй, ведущим бы из них стал конформизм. Диалектические основания языка, сопряжение в нем идеального (мысль) и материального (слово), обеспечивают языку наивысшую степень гибкости и податливости объективной реальности (язык как зеркало мира) и субъективным манипуляциям (язык как отражение души). Если в эпоху Античности, Средневековья и Нового времени язык обитал в реальном доме бытия, т.е. был необходим для обнаружения природы вещи (философия номинализма, семантика) и отношений между субъектом и вещами (философия предиката, синтактика), то начиная с XIX в. старый дом бытия рушится под напором второй промышленной революции и сменой общественно-экономических формаций, экстенсивным ростом городских агломераций. Атомизированное информационное

общество построило новый дом бытия, где властвует сам субъект (прагматика), управляющий действительностью и формирующий многомерную конструкцию из возможных миров, используя для этого язык.

Заключение

Если период Античности, Средневековья и Нового времени можно определить как натурфилософскую парадигму в языке в реальном пространстве языка и мира, то XIX–XXI вв. можно назвать эгоцентрической парадигмой в пространстве возможных (нереальных) миров. Из данных онтологических предпосылок развиваются основные векторы в изучении языка: философия имени (античность, средневековье), философия предиката (XVI–XVIII вв.), философия прагматики, в которой условно можно выделить Я-философию (XIX–XX вв.) и квази-Я-философию (XXI в.) (рис. 2).

В философии XIX–XX вв. мы выделили пять векторов осмысления языка: трансцендентальный, феноменологический, структуралистский, герменевтический и дискурсивный. Эти направления объединяет один и тот же вопрос, который ставили философские школы: допуск субъекта к объектному миру через как минимум две преграды: означенную языком реальность и языковое сознание индивида. Язык оставил свою печать на всем вокруг – на самой вещи и непосредственно человеку. Трансцендентальная традиция отстаивала непознаваемость мира, постулировала существование двух независимых царств – ноуменов и феноменов и два отдельных языка, на которых говорят объекты данных миров. Структуралистская

традиция, обнаруживая сходство между структурами языка и внешним миром, тем не менее говорит о невозможности получения доступа к миру вещей в связи с тем, что структура задана априори и детерминирует процесс познания. Феноменологическая традиция, казалось бы, сняла вопрос о доступе к реальности через язык, проникнуть в который стало возможным через чистое трансцендентальное сознание индивида. Таким образом, снялось противоречие между субъективным и объективным мирами, точкой пересечения которых было сознание. Если феноменологию рассматривать в качестве методологии познания, то герменевтика представлялась способом познания, осмысления реальности. Герменевтика стала связующим звеном между трансцендентными структурами сознания и языка и экстралингвистической реальностью, запечатленной в тексте, связав метафизику языка и сознания со множеством культурно-исторических, личностно-индивидуальных фактов. Дискурс, являясь чем-то более языковым, чем язык (в сосюрсовском смысле *langue*), и более речевым, чем сама речь (*parole*), стал рассматриваться в качестве эпизода жизни человека в языке и языка в человеке.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

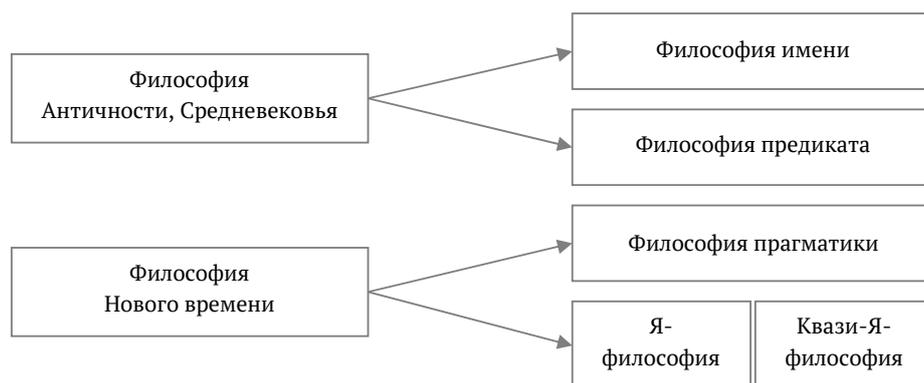

Рис. 2. Парадигмы в философии языка: Античность – XXI в.
Pic. 2. Paradigms in philosophy of language: Antiquity – XXI century

Литература / References

1. Платон. Диалоги. М.: АСТ, 2021. 330 с. [Plato. *Dialogues*. Moscow: AST, 2021, 330. (In Russ.)]
2. Аргамакова А. А. Логический анализ языка науки в философии Рудольфа Карнапа: дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 109 с. [Argamakova A. A. *Logical Analysis of the Language of Science in Rudolf Carnap's Philosophy*. Cand. Philos. Sci. Diss. Moscow, 2013, 109. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/suxdih>
3. Зайцева Н. В. Логическая визуализация смысла. *Ценности и смыслы*. 2022. № 6. С. 6–19. [Zaitseva N. V. Logical visualization of meaning. *Tsennosti i smysly*, 2022, (6): 6–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2022-6-6-19>

4. Макеева Л. Б. Проблема реализма и основные концепции соотношения языка и реальности в аналитической философии XX в.: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. 382 с. [Makeeva L. B. *The problem of realism and the basic concepts of the relationship between language and reality in the analytical philosophy of the twentieth century*. Dr. Philos. Sci. Diss. Moscow, 2011, 382. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qfleun>
5. Нуриев Б. Д. Проблема языка в философии: опыт аналитического исследования теории языка. Уфа: БашГУ, 2011. 310 с. [Nuriev B. D. *The problem of language in philosophy: an analytical study of the theory of language*. Ufa: BashSU, 2011, 310. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxbkhh>
6. Нуриев Б. Д. Категории «Знание языка» и «Язык знания» и их взаимная связь. *Manuskript*. 2016. № 4-1. С. 133–137. [Nuriev B. D. Categories "Knowledge of Language" and "Language of knowledge" and their interrelation. *Manuskript*, 2016, (4-1): 133–137. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vozsbs>
7. Романов П. Е. Эволюция исследований языка и сознания в аналитической философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2011. 21 с. [Romanov P. E. *The Evolution of Language and Consciousness research in Analytical Philosophy*. Cand. Philos. Sci. Diss. Abstr. Murmansk, 2011, 21. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qhwdnd>
8. Тутаяева В. И. К вопросу о философии языка: язык и мышление. *Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: XXV Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25 ноября 2019 г.)* Белгород: ООО ГиК, 2019. С. 275–279. [Tutaeva V. I. Philosophy of language: Language and thinking. *Science and education: domestic and foreign experience: Proc. XXV Intern. Sci.-Prac. Conf., Belgorod, 25 Nov 2019*. Belgorod: ООО ГиК, 2019, 275–279. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aeloze>
9. Низьева Л. В. Философия Э. Маха в контексте австрийской философской традиции: эмпириокритицизм, критика языка и импрессионизм: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2015. 160 с. [Nizyeva L. V. *The philosophy of E. Mach in the context of the Austrian philosophical tradition: empirical criticism, criticism of language and impressionism*. Cand. Philos. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2015, 160. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qfeblb>
10. Козлова М. В. Концепция поэтического языка в эстетике 20 в. (Хайдеггер, Гадамер, Бадью): дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. 146 с. [Kozlova M. V. *The concept of poetic language in the aesthetics of the XX century: Heidegger, Gadamer, Badiou*. Cand. Philos. Sci. Diss. Moscow, 2015, 146. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zrnirh>
11. Патляч А. И. Философия языка Х.-Г. Гадамера: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 197 с. [Patlach A. I. *The philosophy of H.-G. Gadamer's language. Philosophy of language by H.-G. Gadamer*. Cand. Philos. Sci. Diss. Moscow, 2011, 197. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfrpid>
12. Романенко Е. К. Философия языка В. Фон Гумбольдта и ее влияние на философско-лингвистические, этнопсихологические и антропологические учения в Германии XIX–XX вв.: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 160 с. [Romanenko E. K. V. *Von Humboldt's Philosophy of Language and its influence on philosophical-linguistic, ethnopsychological and anthropological teachings in Germany of the XIX–XX centuries*. Cand. Philos. Sci. Diss. Moscow, 2011, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfirkn>
13. Осминская Н. А. Язык реальности и реальность языка в философии Фрэнсиса Бэкона. *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58. № 3. С. 119–131. [Osminskaya N. A. Language of reality and reality of language in Francis Bacon's philosophy. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, 58(3): 119–131. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5840/eps202158348>
14. Гусева А. А. Идиома как проблема философии языка: дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 162 с. [Guseva A. A. *The idiom as a problem of the philosophy of language*. Cand. Philos. Sci. Diss. Moscow, 2013, 162. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/suxbyn>
15. Иванова В. А. Семиотика языка науки в системном анализе научного знания: дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 2012. 311 с. [Ivanova V. A. *Semiotics of the language of science in the systematic analysis of scientific knowledge*. Dr. Philos. Sci. Diss. Novosibirsk, 2012, 311. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qfmyar>
16. Аристотель. *Органон*. М.: Наука, 1984. 305 с. [Aristotle. *Organon*. Moscow: Nauka, 1984, 305. (In Russ.)]
17. Аристотель. *Сочинения*. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 832 с. [Aristotle. *Works*. Moscow: Mysl, 1984, vol. 4, 832. (In Russ.)]
18. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод*. М.: Прогресс, 1988. 704 с. [Gadamer H.-G. *Truth and Method*. Moscow: Progress, 1988, 704. (In Russ.)]
19. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Петра Абеляра. М.: Гнозис, 1994. 216 с. [Neretina S. S. *Word and text in medieval culture. Conceptualism of Peter Abelard*. Moscow: Gnozis, 1994, 216. (In Russ.)]
20. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 203. [Kubryakova E. S. *In search of the essence of language: Cognitive research*. Moscow: Znak, 2012, 203. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rfkrhn>

21. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985. 335 с. [Stepanov Yu. S. *In the three-dimensional space of language*. Moscow: Nauka, 1985, 335. (In Russ.)]
22. Декарт Р. Сочинения. М.: Мысль, 1989. 654 с. [Descartes R. *Works*. Moscow: Mysl, 1989, 654. (In Russ.)]
23. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Либроком, 2010. 448 с. [Benveniste E. *General linguistics*. Moscow: Librocom, 2010, 448. (In Russ.)]
24. Кант И. Критика чистого разума М.: Эксмо, 2019. 734 с. [Kant I. *Critique of Pure Reason*. Moscow: Eksmo, 2019, 734. (In Russ.)]
25. Гаспарян Д. Э. Что значит быть трансценденталистом в современной аналитической философии сознания? *Эпистемология и философия науки*. 2015. Т. 44. № 2. С. 146–165. [Gasparyan D. E. What is it like to be a transcendentalist in contemporary analytical philosophy of mind. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2015, 44(2): 146–165. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vxbwdj>
26. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. 501 с. [Buhler K. *Theory of language*. Moscow: Progress, 1993, 501. (In Russ.)]
27. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 535 с. [Levi-Strauss K. *Structural anthropology*. Moscow: Nauka, 1985, 535. (In Russ.)]
28. Фрейд З. Я и Оно. М.: Эксмо, 2017. 859 с. [Freud Z. *I and It*. Moscow: Eksmo, 2017, 859. (In Russ.)]
29. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Национальное образование, 2016. 367 с. [Vygotsky L. S. *Thinking and speech*. Moscow: Natsionalnoe obrazovanie, 2016, 367. (In Russ.)]
30. Гуссерль Э. Логические исследования. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2000. 750 с. [Husserl E. *Logical Investigations*. Moscow: AST; Minsk: Kharvest, 2000, 750. (In Russ.)]
31. Гайденок В. П., Громов М. Н., Мотрошилова Н. В., Никулин Д. В., Смирнов Г. А. История философии: Запад – Россия – Восток. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2012. 435 с. [Gaydenko V. P., Gromov M. N., Motroshilova N. V., Nikulin D. V., Smirnov G. A. *History of philosophy: West – Russia – East*. 2nd ed. Moscow: Akad. proekt, 2012, 435. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/suhfcr>
32. Шпет Г. Г. История как проблема логики. 3-е изд. М.: URSS, 2011. 475 с. [Shpet G. G. *History as a problem of logic*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2011, 475. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qprekh>
33. Филатов В. П. Научное познание и мир человека. М.: Политиздат, 1989. 272 с. [Filatov V. P. *Scientific knowledge and the human world*. Moscow: Politizdat, 1989, 272. (In Russ.)]
34. Гаспаров В. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: НЛО, 1996. 351 с. [Gasparov V. M. *Language. Memory. Image. Linguistics of linguistic existence*. Moscow: NLO, 1996, 351. (In Russ.)]
35. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности. In: Степанов Ю. С., Фрумкина Р. М., Руденко Д. И., Прокопенко В. В., Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Серио П., Постовалова В. И. *Язык и наука конца 20 века*. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73. [Stepanov Yu. S. Alternative world. Discourse. Fact and principle of causality. In: Stepanov Yu. S., Frumkina R. M., Rudenko D. I., Prokopenko V. V., Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Seriot P., Postovalova V. I. *Language and science of the late 20th century*. Moscow: RSHU, 1995, 35–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfhmb1>
36. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы 19–20 вв. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с. [Dymarsky M. Ya. *Problems of text formation and literary text in Russian prose of the XIX–XX centuries*. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2001, 328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qgidky>
37. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор). *Дискурс, речь, речевая деятельность: Функционирование и структурные аспекты*, ред. С. А. Ромашко. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13. [Kubryakova E. S. Concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics: A review. *Discourse, speech, speech activity: Functioning and structural aspects*, ed. Romashko S. A. Moscow: INION RAS, 2000, 5–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lagoej>
38. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с. [Kibrik A. A. *Discourse analysis from a cognitive perspective*. Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2003, 90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qdxh1h>
39. Арутюнова Н. Д. Дискурс. *Лингвистический энциклопедический словарь*, ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137. [Aroutiounova N. D. Discourse. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sov. entsikl., 1990, 136–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yklevt>
40. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка. *Язык. Личность. Текст*, ред. В. Н. Топоров. М.: ЯСК, 2005. С. 34–55. [Demyankov V. Z. Text and discourse as notions and words of ordinary language. *Language. Personality. Text*, ed. Toporov V. N. Moscow: IaSK, 2005, 34–55. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/scefkf>

41. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с. [Sheigal E. I. *Semiotics of political discourse*. Dr. Philol. Sci. Diss. Volgograd, 2000, 431. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nlrotz>
42. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с. [Van Dijk T. *Discourse and Power: Dominance representation in language and communication*. Moscow: Librokom, 2013, 344. (In Russ.)]
43. Крестева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с. [Kristeva J. *Selected works: Destruction of poetry*. Moscow: ROSSPJEN, 2004, 656. (In Russ.)]
44. Wodak R. *The discourse of politics in action: Politics as usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011, 252.
45. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011. 128 с. [Habermas J. *From pictures of the world to the vital world*. Moscow: Idea-Press, 2011, 128. (In Russ.)]
46. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с. [Rubinstein S. L. *Existence and consciousness*. St. Petersburg: Peter, 2012, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxelkm>
47. Серио П. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. 416 с. [Seriot P. *Quadrature of meaning: the French school of discourse analysis*. Moscow: Progress, 1999, 416. (In Russ.)]